

Б. Ф. Карпов

«Осташи»

Повесть (историческая)

г. Осташков

2008

В северо-западной части города Осташкова когда-то был пустынный песчаный остров. Вокруг острова совершенно не было никакой растительности, только песок, воздух и вокруг вода.

Это было излюбленное место для любовных походов селигерских чаек, и поэтому остров получил название — остров Чайка. Когда с севера дул ветер, то на этот остров с огромной силой обрушивались волны Селигера, и остров не сопротивлялся. Он постепенно размывался и оползал вниз, в бездну водоема.

Итак на протяжении нескольких веков шла непрерывная работа по размыванию данного острова. И к концу XVIII века он почти полностью весь исчез. Селигер его поглотил. Теперь на этом месте находится подводная отмель, которая при малых водах обнажается. Эта отмель носит прежнее название острова — Чайка. Вокруг местечка Чайка были болотистые, малопригодные земли, которые весной, почти каждый год заливались водами Селигера. И вот предприимчивый купец из семейства Савиных Кондратий облюбывал эти земли и за бесценок скупил их для постройки завода и производства кож товаров. Первый кожевенный завод в Осташкове был построен в конце 18-ого века на Береговой улице, ныне Орловской. Ввиду загрязнения питьевой воды города Осташкова он был закрыт. Для этого производства требовалось очень много воды. А ее здесь хоть пруд пруди. Место спокойное и подальше от людских глаз, завистников. Прорыв сточно-заборную канаву и на этом месте стал возводить завод. Труд было положено не мало, но радовало то, что будет завод и в конце 18 века. Завод действительно заработал и стал выпускать сыромятную кожу для производства конных сбруй, уздечек, хомутов, тяжей и другой конной утвари. А эту продукцию как-раз и требовал рынок, так как основной тягловой силой в то время были кони, а их было очень и очень много. И каждую лошадь надо было одеть и снарядить, чтобы она хорошо работала и приносила большую пользу народному хозяйству.

Требовалось много кожи и для рыбной промышленности. В то Селигер был богат рыбой. Маточное поголовье рыбы доходило: лещ до 4 кг, судак до 8 кг, щука до 12 кг. Осташи в летнее время засаливали рыбу сухим посолом, а зимой замораживали и в таком виде везли в Санкт-Петербург на рынок. Об этом теперь надо только мечтать.

Для нормальной работы рыбаков требовалось хорошая дубленая кожа. Для производства кожи на заводе применялись натуральные продукты, природные красители из растений, дубильные вещества, куриное яйцо, патока, березовая смола (деготь), свиной жир, китовый жир (ворвань). Для дубления кож использовались дубящиеся вещества из тиссовых деревьев: ива, бред, лоза. А их было вокруг очень и очень много. Поэтому все сельские жители идя в лес за грибами и по ягоды, возвращались всегда с пучками коры, бредняка. Лозу можно было драть 2 раза за лето: ранней весной и в августе месяце, когда идет сокодвижение. Собранный в пучки кора сушилась под навесами. Когда сельские жители собирались в город для приобретения покупок, то они всегда в задней части телеги складывали стенку из

дубильного корья. На такой повозке удобно было ехать и продав кору купцу Савину и получив деньги, за которые можно было купить гостинца для детишек, родных, близких и знакомых, и привести их в деревню.

Во всех лавках Савина кору принимали круглогодично. Отработанная кора использовалась как удобрение на огородах и для засыпки улиц и тротуаров города, так как город был очень мокрый.

Большую часть одубины рассыпалось по проезжей части 2-х центральных улиц. Это по Екатерининскому переулку, ныне улица Рабочая и Большой Знаменской, ныне Ленинской проспект.

Завод быстро развивался и стал приносить хорошие доходы.

В начале 19 века он уже стал выпускать юфть, сафьян и толстую подошвенную кожу. Его продукцию заимела всемирную известность. И в летнее время на парусниках через Мариинскую систему и Санкт-Петербург стала доходить до Англии. В Санкт-Петербурге Савины построили контору, которая размещалась в их доме.

Федор Кондратьевич Савин

После смерти основателя завода Кондратия Савина все хозяйство перешло сыну Федору. При Федоре Кондратьевиче завод уже стал выпускать хрон, который в очень большом количестве расходовался на производство тарантасов, пролеток и карет, а также для производства обуви и одежды. Это тонкая хорошая, эластичная кожа.

Завод уже приносил такие доходы, что можно их было использовать для производства. На территории завода Савин построил каменную контору, дворянский клуб, клуб-театр для рабочих, зельню и отделочные цеха, конюшни для гужевого транспорта и складские помещения.

Федор Кондратьевич был человек культурный, высокообразованный, беззаветно любящий свой город. Чтобы защитить город от пожаров, в результате которых город дважды выгорал полностью, а в 1811 году до Знаменского монастыря, то он построил на свои деньги первую и единственную по такому проекту пожарную каланчу в России. Она дожила до настоящих дней и является исторической ценностью.

На штоке мачты каланчи висел пожарный колокол низкочастотной тональности. Его звучание отличалось от звучания всех колоколов церквей. Во время пожара вывешивался шар ярко-оранжевого цвета, подсвечиваемый в ночное время.

Он вывешивался с той стороны каланчи, на которой происходил пожар в городе.

Видя это, люди бежали на пожар и несли с собой все необходимое для тушения пожара. Они бежали тушить пожар, а не смотреть на пожар как это делается теперь.

Осташи боялись пожара, поэтому пожарное дело в Осташкове было поставлено на высоком уровне. Мозговым центром его был Федор Кондратьевич Савин.

В центре города в северо-восточном углу Преображенской площади он построил дом «Банк Савина». Это было так престижно, что вокруг него стали строиться и другие дома: князей Шаховских, дом Огонечковых, графская усадьба Толстых.

По улице Миллионной, теперь Евстафьевской построилось духовное училище и булочная Зеленцовых. На крепостном валу построился дом Пружинских, Ниловское подворье, городская гимназия, дом художников Митиных-Потаповых.

На Каменной улице, теперь Володарского еврейская синонога и гостиница.

На большой Знаменской, теперь имени Ленина, два дома дворян Всеволодовых, дом Краснопольских, дом-мастерская фотографа Иванова, дом Крестовых – экспедитора завода Савина, дом дворян Нагибиных и приют Лариных. Еврейские дома Зальмана и Канич, городское земство, гостиница Лутковского, дом парходчика Чмута («Волгарь»), лавочника Гуляева («Продуктовая лавка»), дом отставного морского офицера («Дом моряка»), дом аптекаря Лебедева и архитектора Суравкова, ювелирный магазин и часовая мастерская Розенберга.

На Театральной улице, ныне Орловского дом купцов Копотлиных, парходчиков Уткина и Филипова, дом архитектора Суравкова и архитектора Демидова и дом парходчика Бельтихина.

В центре города стоял храм Преображения Христова. Вокруг него по периметру были построены торговые ряды, а в юго-западном углу Преображенской площади построили городской драматический театр — гордость города.

Для того, чтобы осушить город по-всему городу были прорыты дренажные канавы с двух сторон проезжей части улиц и весь город был опутан этой системой. Затем стали строить дороги. Для постройки проезжей части дорог требовалось много песка и камня. Песок возили с Ольшицы, а камень с окрестных полей.

В начале мостилась Большая Знаменская улица, Каменная и Екатерининский переулок, а потом и боковые улицы. На городских улицах появился порядок и они стали красиво выглядеть. Город приобрел свое лицо и стал благоустраиваться.

Слава о нем стала распространяться по всей России

Федор Кондратьевич был добрейшей души человек. Он и его банк не жалел денег на строительство города. За счет его денег были построены: Городская гимназия, городской Драматический театр, пожарная каланча, здание городской Думы, достраивался Вознесенский собор Знаменского монастыря.

Построены церкви в деревне Святое и на истоке великой русской реки Волги.

Он любил свой город, и поэтому горожане очень часто его могли видеть утром, проезжающую по городу на своей пролетке.

Его интересовала каждая мелочь в строительстве города. Поэтому жители Осташкова избрали его постоянным несменным головой города.

Между каменными фамильными домами разместились купеческие строения из камня и деревянные дома мещан города. Весь этот ансамбль и представляет из себя портрет города Осташкова. Он особый, с прямыми пересекающимися улицами, напоминающей строения Санкт-Петербурга.

Характерной особенностью нашего города было то, что это был город по выращиванию домашних цветов. Строения были одноэтажные, поэтому цветы хорошо просматривались в окнах домов.

Это было красиво и привлекательно, и приезжие люди удивлялись, как много в Осташкове цветов. Дома между собой как-бы перекликались своими окнами — мои цветы лучше, чем у тебя! К сожалению эту прелесть мы потеряли.

Середину 19 века можно считать Золотым веком для Осташкова.

А теперь мысленно перейдем в Санкт-Петербург.

Северная столица бурлила в своей кипучей жизни. Работали все театры, кафе, рестораны. Народ веселился.

Прасковья Ивановна Орлова

На сцене Мариинского театра появилась новая актриса Прасковья Ивановна Орлова. Девушка была миловидная, стройная и ухоженная. Она была любимицей петербуржцев. Когда она выступала, то все билеты были проданы под аншлаг.

Вскоре ее партнер по сцене соблазнил ее и она вышла за него замуж. Но счастье их было не долгим. Он оказался дебошир и игрок, и они развелись.

Но тут наступила беда. Началась Крымская война. Городская жизнь в Санкт-Петербурге быстро расстроилась, театры опустели, артисты стали уходить в бессрочные отпуска.

Актриса Орлова как и все светские дамы в те времена пошли работать в госпитали сестрами милосердия.

Поездом она прибыла в Севастополь и приступила к работе.

Война была жесткой, о ней хорошо написал в своих произведениях участник войны Лев Николаевич Толстой.

Работа в госпитале была архитяжелой. Сестры милосердия сбивались с ног, раненые поступали день и ночь. Условия были ужасные, не хватало бинтов и ваты, основными лекарствами были йод, марганцовка, ртутная мазь и свинцовая примочка, и работа пилы и скальпеля хирурга. Антибиотиков тогда не было, а любая незначительная рана могла привести к гангрене, что часто так и бывало: ранят человека в палец мизинец, а потом приходится отнимать целую ногу, так как вовремя не было обработана рана.

Больные стонали, плакали, вспоминали бога и мать. Основные слова, звучащие в палатах госпиталя были: «Сестра! Воды!»

Но вскоре этот ужас кончился, так как война оказалась кратковременной. К осени она уже и закончилась.

Раненые стали поправляться, госпиталь постепенно пустел. И вот наступило время прощания с госпиталем. За хорошую работу в госпитале Прасковья Ивановна была награждена медалью и памятным подарком, сделанный из вынутых пуль из тела раненых бойцов. Это письменный настольный прибор. С этим прибором она и вернулась в Санкт-Петербург.

Жизнь в городе постепенно налаживалась. Опять стали работать кафе, рестораны и театры. Снова вернулась на сцену и стала снова любимицей публики.

Шли годы. И вот однажды Прасковья Ивановна получила из города Осташкова от ее фронтowej подруги приглашение приехать в Осташков погостить. Она приехала в Осташков на минутку, а осталась навсегда.

Город ей очень понравился, особенно, только что выстроенный, новый городской Драматический театр, в который она ходила со своей подругой на просмотр постановок, да и сама иногда принимала в них участие.

Куратором театра был Федор Кондратьевич Савин. Только после его разрешения ставилась та или иная пьеса.

Федор Кондратьевич присмотрелся к столичной актрисе и стал на нее обращать внимание. Однажды он предложил ей поездку по водной глади Селигера с осмотром города Осташков с воды.

Прасковья Ивановна не могла ему отказать и дала согласие. Поездка состоялась на любимом пароходе семьи Савиных «Осташков». Это был первый пароход. Он был небольшой, с крышей и остекленной палубой, что давало возможность в непогоду комфортно себя чувствовать.

Поездка их состоялась от гранитной пристани Знаменского монастыря. Пароход ехал по восточному берегу города Осташкова, отсюда хорошо просматривался сам город, весь отраженный в воде. Затем они ехали между полуостровом Житное и островами Вороний, Фомин (Фомино), Кличен и Попов.

Проезжая через протоку между Поповым островом и полуостровом Житным они очутились в Городской плес (кожзаводской). Путь этот был выбран Федором Кондратьевичем не случайно. Он любил полуостров Житное с мужским монастырем, где находилась усыпальница их предков. Проезжая мимо, он всегда мысленно держал связь со своими родителями, которые лежали в склепе на вечном покое. Затем путь их пролегал прямо на деревню Ронское, которая стояла на горе. Проезжая мимо своего любимца завода он рассказывал Прасковье Ивановне об истории его создания. От деревни Ронское город просматривался как чудесная панорама с его многочисленными церквями и близ лежащими островами: Кличен и Городомля.

Прасковья Ивановна Орлова-Савина.

Федор Кондратьевич Савин

Эта поездка еще больше сблизила их. Савин в то время был вдовцом, и он сделал Прасковье Ивановне предложение выйти за него замуж. Предложение было заманчивое, но и опасное. Заманчивое тем, что он был миллионер, но и опасно, так как Прасковья Ивановна должна будет покинуть сцену. А ей это делать не хотелось. Но «А» победило «Б», и она согласилась. Вскоре была назначена свадьба и они приготовились к венчанию. Венчались они в церкви Житенного монастыря. Свадьба проводилась скромно, были приглашены только близкие люди.

Молодые любили друг друга и были счастливы, несмотря на то, что были уже в возрасте.

Федор Кондратьевич занимался производством, а Прасковья Ивановна курировала над театром. И все было прекрасно. Но этой свадьбой ни все были довольны. Главный экспедитор завода Савина Крестов Федор хотел выдать за Федора Кондратьевича свою сестру и породниться с семейством Савиных. Но жизнь сделала свои обороты и получилось то, что получилось.

16 мая 1890 года в городе случилась беда. На Миллионной улице, ныне Евстафьевская, в перекрестке с Музейным переулком произошел пожар. Горел дом семейства Крестовых. Когда об этом узнал Федор Кондратьевич, с ним стало худо. Оправившись, он поехал на пожар, ведь он был главой города и курировал пожарное дело.

Он сел в свою любимую пролетку и помчался на пожар. Остановив пролетку между 1-ым и 2-ым бульварами стал руководить тушением пожара. Горели 3 дома со стороны дома Резвых и 2 дома с другой стороны переулка. Пожар был, как теперь говорят, пятой степени. Неуправляем. Это было опасно для города. Воду возили на лошадях в бочках с трех мест: с Чайкиного берега, от Набережного сада и из городского пруда. Воды не хватало. Не успеют затушить одну часть дома как в другом месте происходит вновь возгорание. Но вот в конце концов пожар локализовали и потушили.

Когда началось проливание догорающего пожара Федор Кондратьевич подошел к Крестовую и сказал: «Ты, Михаил Александрович, не переживай. Деньги на постройку нового дома я

тебе дам, только не строй всякую ерунду. Построй новый крепкий каменный дом». И сам отправился к пролетке. Подойдя к пролетке, он хотел подняться на ступеньку ее и обмяк, побелел и опустился на землю. Сбежался народ, послали за врачом. Прибыл доктор Константин Беляев. Доктор пощупал пульс, приподнял веки и сказал: «Поздно, он умер». Оказалось, у него произошел разрыв сердца, как теперь говорят — обширный инфаркт.

Город ушел в глубокий траур. Жители города очень переживали. Говорили друг с другом в полголоса и шепотом. Ушел из жизни их отец и покровитель, ведь Федор Кондратьевич так много для них делал. Он давал им работу, хлеб и кров, ведь почти они все работали у него на заводе.

Хоронили Савина всем городом. Похоронная процессия двигалась от кожзавода по Екатерининскому переулку до Миллионной улице и домами к Житенскому монастырю. Во главе процессии тело духовенство города, а дальше открытый катафалк с телом покойного, родные и близкие, и весь городской люд.

После панихиды и отпевания тело его опустили в родительский склеп Савиных. Во время опускания тела гудел гудок кожевенного завода. Это был прощальный гудок со своим хозяином. В последствии Прасковья Ивановна на могиле поставила портретный памятник, а на месте его смерти, между двумя бульварами, была поставлена мемориальная стелла из черного отшлифованного гранита с венком, внутри которого находилась эпитафия. На стеле было написано — «От благодатных Осташей». Но в 1932 году пришли другие Осташи и снесли эту стелу. Куда ее дели никто не знает. Вот и такие бывают осташи: одни ставят, а другие снимают. Вот к чему приводит идеологическая наука.

Чтобы еще больше увековечить память о муже, Прасковья Ивановна построила на Миллионной улице часовню из красного кирпича и красили ее красной краской. Это был памятный знак о пожаре, который произошел на этой улице. Этот знак предупреждал жителей города о страшном бедствии, которое может свершиться под действиями огня.

Такого поворота судьбы Прасковья Ивановна не ожидала. На ее плечи легло такое огромное хозяйство. Но она была умная хозяйка и не испугалась, стала вести хозяйство и довольно успешно. Первым делом она построила училище для обучения детей кожевников кожевному производству, затем двухэтажную столовую, где рабочие могли обедать по низким ценам, а в праздничные дни и бесплатно.

На территории завода построила общественную баню для жителей города. Эта баня работала до 1938 года и обмывала все жителей города.

Так как беспризорные дети всегда были, а она не имела своих детей, то на свои деньги она построила Детский приют, впоследствии был Детский дом, а сейчас там Детский сад «Огонек».

После смерти мужа Прасковья Ивановна еще больше стала верить в божественную силу всевышнего, и как-то отблагодарить его, она всем церквям города делала вклады. Банк Савина это позволял ей делать. Кроме этого, она была очень щедрая женщина к ближнему и бедноте. Однажды на заводе произошла авария, при которой погиб отец многодетного семейства. Чтобы облегчить это горе Прасковья Ивановна взяла в вою семью девочку и воспитывала ее. Она ее так полюбила, что считала ее почти родной. Когда девочка повзрослела, она полюбила купеческого сына, но породниться с ним она не могла, так как была родом из бедноты. И Прасковья Ивановна выдала ее замуж за самого лучшего сапожника города Волкова Дмитрия Ильича. А все заботы и расходы на проведение свадьбы она взяла на себя. Для невесты по заказу было сшито свадебное платье, венчальная карета с белыми колесами, была празднично украшена, лошади были белые в серых яблоках по всему телу, сбруя и дуга с бубенцами. Под звуки приветствующих и радостных людей кортеж направился в Житенный монастырь. Там происходило венчание молодых. Церковь там хотя и маленькая, но по-домашнему уютная

Вот такой была Прасковья Ивановна Орлова-Савина Захарова.

Ольга Юрьевна, работница краеведческого музея города Осташкова является правнучкой той воспитанницы, Волковой Анны Никитичны. Она такая же хорошая женщина как Прасковья Ивановна — добрая и жизнерадостная. Хорошая помощница всех тех людей, которым требуется помощь. Она в самую трудную для меня минуту, когда я ослеп, оказала неоценимую помощь и под мою диктовку написала 4 книги. Это подвиг с ее стороны. А Юрий Николаевич Смолкин, начальник пристани города Осташкова помог мне безвозмездно выпустить эти 4 книги. Это с его стороны тоже подвиг. Для меня он является лучшим другом. В любую трудную минуту для меня он всегда оказывает помощь и поддержку. И оба они Осташи, беззаветно любящие свой родной любимый город Осташков.

Прасковья Ивановна скончалась 2 (15) июля 1990 года.

С похоронами Прасковьи Ивановны было не так-то просто. По завещанию ее хоронили на церковном кладбище Знаменского монастыря, а не в акрополе Савиных. Эту тайну она унесла с собой навсегда.

Некоторые жители возмущались, но ничего не поделаешь — завещание исполняется всегда. После отслужения литургии и панихиды тело ее было опущено в землю у алтарной части Вознесенской церкви. Хоронили ее всем городом. Народу было столько, что весь Знаменский монастырь, вся свободная площадь его была заполнена народом. Пробриться к могиле можно было только с большим трудом. Люди, не стеснялись, плакали и разговаривали в основном глазами.

Савины на могиле поставили крест из отшлифованного черного гранита с венком у основания и эпитафией. Но в 40-ые годы крест был украден и могила долгое время находилась без присмотра.

В 90-ых годах по инициативе краеведов города Осташкова на могиле Прасковьи Ивановны Орловой-Савиной был поставлен монумент с эпитафией. Чтобы увековечить память о Прасковьи Ивановны переулок, где стоит дом-приют, поставленный по ее желанию носит ее имя — переулок Орловой-Савиной. А настольный прибор, подаренный ей в Севастополе хранится в краеведческом музее города Осташкова.

Деньги, которые обещал Федор Кондратьевич Крестовым на постройку нового дома, были получены и на них построен дом. Это дом, в котором сейчас размещена санэпидемстанция.

Людей, которые так беззаветно любят свой город у нас в Осташкове не мало. К примеру, Софья Ивановна Ковалева, уроженка нашего города. Она здесь росла и училась и вся жизнь города проходила на ее глазах. Получила высшее образование и работала в Москве, но родной город некогда не забывала. В свободные минутки всегда посещала его, профессор, доктор медицинских наук.

Ее хорошая подруга Зыль Ремма Борисовна, терапевтический врач центральной больницы. Получив медицинское образование приехала в Осташков и своей хорошей работой добилась высокого звания — Заслуженного врача России. Она имеет мужа и двоих детей. От этого человека всегда льется благодать, больные ее любят и уважают, и в нужный момент она им всегда помогает.

Крылов Юрий Михайлович — журналист местной газеты «Селигер», так же коренной осташ. Всю жизнь проработал в газете. Давал хорошие правдивые репортажи, первый эколог города, много писал о природе Селигерского края. За правду, которая всегда режет глаза, местное начальство его недолюбливало, поэтому не давало ему подниматься по производственной лестнице вверх, поэтому он всегда оставался в гордом одиночестве.

Петров Николай Николаевич — академик, доктор медицинских наук, начинал работать в Осташкове. В 40-ые годы работал в Ленинградской хирургической академии. Часто приезжал в Осташков на свою дачу, которая была расположена в районе Ронского. Это место

и теперь называется Петрова Дача. Во время приездов он лечил осташей и приглашал их к себе в Ленинград.

Вот такие были и есть Осташи!

Если тебя обманула жизнь, на нее не сердись. Сядь, спокойно обдумай и вокруг оглянись.

На судьбу ты не сетуй, тут судьба не причем.

Ты мозгами кумекай, не руби топором.

Что сказать Вам Осташи на прощание:

Спокойной ночи и доброго дня!

3.08. 08 г.

Б. Карпов.